

наук» А. Тарского. Текст этот, прямо скажем, трудноват, и бросаться на его штурм без всякой «артиллерийской» подготовки в виде, скажем, прочтения «Заметок по логике» Р. Линдона было бы несколько опрометчиво. Но чего бы Вам ни стоило прочтение этого текста, оно даст Вам больше чем тысячи и тысячи интеллектуально легковесных трактатов по «гуманитарной» философии.

Ольховиков Г. К.

От «тропы к водопою» до научной теории.

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб.: РХГИ, 1998. – 408 с.

Впервые увидав эту книгу на прилавке, я сразу же обратил на неё внимание. Фамилия автора была знакома по другим его публикациям, посвящённым нетрадиционным формам знания. Но, посмотрев оглавление, счел, что покупать книгу не буду, поскольку было непонятно, к чему она относится. На первый взгляд, она претендует на научное издание. Просмотрев содержание более внимательно прихожу к выводу, что эту книгу можно отнести к области эзотерической литературы, которая стала в последнее время очень популярна. Краткая аннотация включает круг увлекательных вопросов: в ней заявлено, что авторский подход направлен на построение «естественной онтологии знания», которая соответствует *всему* многообразию человеческого мира и бытия. Замысел достаточно интересен. Попытаемся оценить его реализацию.

Внимательное знакомство позволило выделить следующие положения данной книги:

- Для И.Т. Касавина понятие «миграции» является ключевым, поскольку данное понятие выполняет системообразующую функцию в теоретико-познавательном исследовании.
- Используя архетип миграции, автор надеется построить новую онтологию познания, которая не будет использовать понятия субъекта и объекта, отражения, мозговой деятельности и близкие им категории.
- Вместо феномена знания вводится феномен «познавательной установки». Знание в данном контексте рассматривается как эмпирическое явление, а познавательная установка «как основное квазиаприорное условие знания, придающее ему направление».
- Знание не рассматривается как продукт особой познавательной деятельности. При этом предполагается выход за пределы понимания знания как многообразия, а также выяснению взаимоотношения знания и сознания, деятельности, общения, что приводит к специфике знания через анализ особой познавательной установки, обладающей собственным онтологическим статусом.
- В свою очередь анализ познавательной установки приводит нас к одному из основных принципов неклассической теории познания: признанию того, что знание возникает из незнания эволюционным путем.
- Именно разработка понятия познавательной установки придаёт новой теории познания неклассические черты. Выход в сферу неклассической установки утрачивает форму теоретического исследования и выводит нас в область художественной литературы. Это «не новая парадигма, но лишь межпарадигмальная стадия развития дисциплины», которой присуща скептическая установка, раскачивающая догматические установки, когда задача

видится не в создании альтернативы, а лишь в релятивизации знания и критике стабильного как окостеневшего. Автор выражает надежду, что на смену нынешнему положению дел должна прийти новая философская парадигма, которая будет, либо основываться на очередном «открытии в естествознании», абсолютизируя его, либо откажет философской теории познания в самостоятельности и сделает её частью общего учения о человеке.

Главная идея всей книги сводится к тому, что знание – это особый путь, по которому идёт исследователь. Этот путь сродни путешествию человека в соседнюю долину, сродни путешествию шамана в иной мир. Центральным в данном исследовании является концепт «миграции». Несомненно, идея «миграции», лежащая в основании новой теории познания, является новаторской. Начинается у И.Т. Касавина всё в эпоху каменного века, с донеандертальского человека, который выпал из экологической ниши существования животных и впервые столкнулся с окружающим миром, обладая уже высокоорганизованной психикой. Выпадение человека из мира животных рассматривается как факт, который не требует обоснования и является чистой случайностью. В итоге, человек не закрепился в более удобной экологической нише, а стал постоянно перемещаться из одной ниши в другую, строить и перестраивать их по собственному плану. Миграции человека, подобные сезонным миграциям животных, являются у Касавина предпосылкой всего. Именно миграции привели человека к прямохождению, которое, в свою очередь, позволило человеку успешно перемещаться по поверхности планеты, а отсюда уже недалеко до возникновения познавательной установки. Во время прогулок по планете человек искал животных и растения, смотрел на небо и видел звёзды. Они и стали первыми персонажами космологических сюжетов, которые благополучно забылись, но в коллективной памяти человечества сохранилась идея, что выживание состоит в движении. Именно это движение и положено Касавиным в основание познавательной установки.

Истоки познавательной установки, подобно причинам появления человека, лежат в далёком праисторическом прошлом и останутся неизвестными. Поэтому познавательная установка принимается как данность, которая подлежит философской рефлексии и осмыслению. Исследующий человек в силу наличия в его психике коллективного представления о том, что движение просто необходимо для выживания, отправляется в область иного, неизвестного. Получив опыт пребывания в ином мире, ему необходимо как-то выразить полученное знание, в результате чего возникает письменность и текст. Письменность возникает в ответ на необходимость создания знаковой системы, описывающей окружающей ландшафт. Текст, по мнению И.Т. Касавина, является той картой территории, где побывал путешественник. Она - следствие этого путешествия. Автор вводит своеобразную дихотомию текстов, разделяя их на первичные и вторичные, соответственно, выделяя два типа субъектов – писателей и читателей. Первичные тексты связаны с индивидуальным процессом исследования – их смыслы индивидуальны, личностны. Исследователь – это путешественник, который сидит в своем кабинете и силой мысли отправляется в путешествие. Первичные тексты производны от миграционного опыта, предельного опыта. Для того чтобы они стали понятны, исследователь должен создавать вторичные тексты, которые производны уже от оседлого локального опыта.

Автором вводится в оборот понятие «индивидуальной культурной лаборатории», которая образно представляет собой кабинет с «письменным

столом» и «библиотекой». На поверхности стола располагается лист, на котором создаётся текст, и те ресурсы, которыми исследователь пользуется непосредственно: в ящиках стола располагаются черновики и дневники, архивы. За спиной стоит библиотека, содержащая общие культурные ресурсы. Исследователь должен соотносить свои индивидуальные смыслы первичного текста с общекультурными смыслами и создавать вторичные смыслы, которые потом могут занять место на библиотечной книжной полке и стать доступными всем. Так образно предстает процесс научной деятельности – от полёта мысли к её запечатлению.

Достаточно интересен подход автора и к понятию знания. Именно первая половина книги отправляет нас в увлекательное путешествие, ориентиром которого для нас служит понятие «знание». В этом путешествии мимо нас пройдут и цитаты из литературных произведений, и обзор форм существования магии, начиная с первобытных времён и заканчивая нашим временем, и анализ работ современных антропологов, и концепции методологов науки. В конце этого путешествия автор подводит к выводу, что однозначное определение знания дать затруднительно, что, впрочем, и декларировалось в качестве одного из основополагающих его концепции. Единственным, с точки зрения автора, правильным представлением о знании, будет «образ знания как «рассказа», повествуемым «возвратившимся из странствия» субъектом». И в конце этой части нам станут понятны те концептуальные системы, которые значимы для автора. Сначала – шаманизм (знание как результат магического странствия), далее следуют философия Платона (подлинное знание как воспоминание о странствии в мире идей), христианство (знание как результат спасения, т.е. движения от мира к Богу), алхимия (познание как восхождение от «несовершенных» металлов к «совершенным»), философия Декарта (познание как движение по пути метода), философия Гегеля (познание как путь диалектического синтеза).

Межпарадигмальный подход лишает автора определённой методологии, но даёт широкое поле для использования любых методов, начиная от литературного цитирования и заканчивая ссылками на положения здравого смысла. Заявленная в самом начале книги установка на критику и на то, что автор не собирается работать в рамках определённой парадигмы, тем самым лишает нас возможности упрекнуть автора в отсутствии чётко разработанной методологии исследования, но в то же время лишает лицензируемую книгу статуса научности. Становятся понятными переходы от описания особенностей строения таза женщины неандертальца (широкий таз более удобен для кочевых условий существования) к теории, допустим, социального воспроизводства знания. Объединение подобных высказываний должно, по замыслу автора, подвести читателя к идее, что деятельность учёного сродни деятельности шамана, мага и представляет собой определённый прорыв в неизведанное, непознанное, непонятное, начало этой деятельности лежит в переходе из одного ареала обитания в другой.

Книга, несомненно, заслуживает того, чтобы на неё обратили внимание, поскольку она может дать достаточную пищу для размышлений как в области критики подобной концепции, так и, возможно, в области дальнейшего развития концепции нетрадиционной онтологии знания. Она интересна своим подходом, стилем написания и содержанием. Каждый исследователь, согласно И.Т. Касавину, подобно пассионарию, получает извне какой-то толчок и начинает свою деятельность. Для самого И.Т. Касавина пришло время достать из ящиков книжного стола все архивы и создать текст. Что получилось, судить читателю.

Шеин Н.А.